

... Аслан! Я верю небылице:
Отцовской кровью плачет твой кинжал!
Виктор Стражев

ГЛАВА II

АБХАЗИЯ И РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. АСЛАНБЕЙ: МИФЫ И ФАКТЫ

I

На протяжении многих десятилетий драматические события абхазской политической жизни первой трети XIX в., вопрос о так называемом присоединении Абхазии к России, о таинственности и противоречивости, безусловно, выдающейся политической фигуры Асланбея Чачба (Шервашидзе), старшего сына Келешбея, о котором К. Кудрявцев заметил: «Арсланбей – злой гений Абхазии начала XIX века»¹, – вызывают огромный интерес не только в абхазском обществе. В разное время этот период истории Абхазии привлекал к себе внимание целого ряда ученых и публицистов, среди которых следует особо отметить С. Броневского, Н. Дубровина, В. Потто, К. Мачавариани, А. Фадеева, И. Антелава, Г. Дзидзария и др. Источниковой основой для этих работ послужили «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею»² (далее – АКАК).

В этом фундаментальном труде сосредоточены десятки основополагающих документов первой трети XIX в., проливающих свет на далеко неоднозначные события в Абхазии. К таковым, например, относятся материалы, посвященные деятельности абхазского владетеля Келешбея, его старшего сына Асланбея, а также Сефербея. Обращает на себя внимание утвердившееся с начала XIX в. в русской и советской историографии расхожее мнение о том, будто Келешбей стремился в Россию, а его старший сын Асланбей в связи с таким стремлением отца организовал заговор и якобы убил его. Благодаря этим исследованиям, в сознание абхазского народа исключительно через книжную, литературную пропаганду, созвучную официальной имперской доктрине, в течение почти двух столетий внедрялся тезис об «отцеубийце Асланбее», в то время, как в памяти народной Асланбей жил самостоятельной, совершенно иной жизнью народного героя, законного владетеля, боровшегося за свободу Абхазии, что нашло свое отражение и в абхазском фольклоре. Об этом, в частности, свидетельствует В.И. Стражев

(1879-1950) – не только поэт, литератор, но археолог и историк. Он представляет собой редкое исключение в том смысле, что выбивается из общепринятого русскоязычного ряда текстов на тему об Асланбее. Хорошо знавший Абхазию, внимательно изучавший исторические источники, он еще в 1923 г. поставил под сомнение причастность Асланбея к убийству Келешбея. В лирическом стихотворении «Асланбей» есть удивительно пронизательные строчки:

... Аслан! Я верю небылице:
Отцовской кровью плачет твой кинжал!

В небольшой исторической справке к этому стихотворению Виктор Стражев пишет об Асланбее: «Его бурная жизнь прошла в упорной и жестокой борьбе с братом (от другой жены Келеш-бея) Сефербеем и племянниками Димитрием и Михаилом, последующими владельцами Абхазии. Ярый противник русских, *Аслан воплотил в себе образ героя – борца за независимость и таким остался в памяти своего народа*»³.

Интересно, что первое известие об убийстве Келешбея было получено генералом Рыкгофом именно от Сефербея – заинтересованного лица. На основании информации Рыкгофа 19 мая 1808 г. граф Гудович направил подробное донесение Александру I⁴. 8 июня того же года владетельница Мегрелии Нина обращается из Зугдиди с письмом к графу Гудовичу⁵ и в тот же день пишет прошение русскому императору⁶. Именно в этих документах изложена официальная версия произошедшего в Абхазии. Интересно, что эта точка зрения без критического анализа источников слово в слово переключивалась в труды русских и советских историков. Поражает и выборочность «нужных» документальных материалов, приводимых в исследованиях. Никто из историков, которые специально разрабатывали тему России и Абхазии начала XIX в., не приводит, например, такое важное свидетельство, как упоминаемые генералом Рыкгофом и обращенные к нему письма самого Асланбея, где тот говорит о своей невинности и утверждает, что в убийстве его отца замешаны посторонние лица⁷.

Не может не настораживать и другое обстоятельство. Сефербей, претендовавший на абхазский престол, не мог его занять в силу того, что был сыном крестьянки, простолюдинки. Он был законным сыном Келешбея, но по абхазскому праву не мог стать владельцем. Более того, на момент убийства русское военное командование и царская администрация с крайним недоверием относились к Келешбею и его старшему сыну Асланбею – законному наследнику абхазского престола. В политическом плане и в военных вопросах Россия в этом регионе делала ставку только на Мегрелию, а конкретно – на Нину Дадиани, которая не гнушалась ничем, лишь бы удовлетворить аппетиты России и свои собственные амбиции. Естественно, Нина Дадиани не могла влиять на Абхазию при Келешбее или Асланбее, но ее и

Россию вполне устраивал слабохарактерный Сефербей, который являлся зятем владетельницы Мегрелии. Об этом красноречиво говорится в ее упомянутом обращении 1808 г. к Александру I: «Итак, самодержавнейший государь, ныне время удобное принять Сефер-бека под Ваш покров, ибо он есть член (нашего дома) и сосед наш»⁸.

Следует особо отметить и такой факт. В день убийства Келешбея 2 мая 1808 г. Сефербея не было в Сухум-Кале и потому он не мог быть очевидцем случившегося. Между тем, первые сведения, причем подробные, русское военное командование получило именно от Сефербея, который обвинил в гибели Келешбея его сына и своего старшего брата Асланбея. Странно и другое. В тот роковой день Келешбей собрал своих самых доверенных людей⁹ и обсуждал с ними важные вопросы. Почему среди этих наиболее близких его сторонников не было, например, Сефербея, который в момент убийства пребывал в Никопсии¹⁰ или в Лыхны¹¹? По всей видимости, Сефербей в заказном порядке опорочил своего старшего брата Асланбея, законного наследника престола, который никак не устраивал русское командование и Нину Дадиани в этом качестве. И только очернив и оклеветав, можно было найти формальный повод к отлучению его от престолонаследия. Между тем, даже граф Гудович в своем первом сообщении об убийстве Келешбея, ссылаясь на якобы непростые взаимоотношения отца с Асланбеем, в записке царю был вынужден признать, что накануне гибели Келешбея Асланбей сумел вернуть к себе расположение владетеля Абхазии или, дословно, «успел приобрести его доверенность»¹².

II

Как известно, в 80-х гг. XVIII в. к власти в Абхазии пришел владетельный князь Келешбей Чачба (Шервашидзе). В течение трех последующих десятилетий он проводил самостоятельную политику, успешно лавируя между интересами Турции и России. Князь отличался умом, хитростью и его имя было широко известно за пределами Кавказа. Высокого роста, с резкими чертами лица и огненной шевелюрой, он выделялся среди окружающих и приковывал внимание собеседников — военных, дипломатов, путешественников.

Келешбей быстро подчинил себе феодальную знать Абхазии, опираясь на мелкое дворянство и «чистых» крестьян-анхаю (анхаю-цкя), каждый из которых был вооружен ружьем, шашкой и пистолетом. Его постоянная стража состояла из 500 ратников. В случае военной угрозы Келешбей в считанные часы мог выставить хорошо вооруженное 25-тысячное войско с артиллерией, конницей и даже флотом. До 600 военных галер владетеля постоянно крейсировали вдоль Черноморского побережья от Батума до Анапы, причем комендантами крепостей Поти и Батум были его племянники-однофамильцы.

На первом этапе своей деятельности Келешбей пользовался военно-политической поддержкой Турции, под протекторатом которой находилась Абхазия. В период расцвета этих отношений владетель построил в Сухуме 70-ти пушечный корабль и подарил его султану. Однако Келешбей, как и его отец владетель Манча (Манучар) Чачба, высланный султаном в середине XVIII в. в Турцию вместе с братьями Ширваном и Зурабом, вынашивал сокровенную мечту о полной свободе и независимости Абхазского государства.

Келешбей помнил, как расправились с его семьей. Только его дяде Зурабу удалось вернуться в Абхазию и стать владетелем. Во время пребывания в турецкой ссылке князей Чачба в Абхазии усилились эшерские князья Дзяпш-ипа, занявшие окрестности Сухума. Не имея возможности бороться с этим кланом, Зураб старался сохранить с ним дружественные отношения и даже женил своего племянника Келешбея на княжне Дзяпш-ипа. Заручившись поддержкой этой влиятельной семьи, в 1771 г. Зураб поднял восстание и изгнал турецкий гарнизон из Сухума. Однако в результате предательства одного из Чачба турки скоро вернули Сухумскую крепость, а затем, устранив Зураба, признали владетелем Абхазии Келешбея.

Келешбей внимательно следил за утверждением России в Восточной Грузии, где в 1801 г. было упразднено Картлийско-Кахетинское царство. Владетель надеялся, что военное присутствие царской России в Закавказье (на Южном Кавказе) будет лишь временным, в связи с чем в 1803 г. сделал первый, чисто формальный шаг к сближению с Россией. Однако, как верно заметил по этому поводу историк И.Г. Антелава, «Келешбек не решался, колебался вступить в российское подданство, боясь потерять свою независимость»¹³. Он лишь намеревался с помощью России избавиться от протектората Турции, что и случилось 25 июля 1806 г. после неудачного похода турецкого флота в составе трех военных кораблей и восьми гребных судов к берегам Абхазии. Келешбей успел подготовиться и выставил у Сухумской крепости многотысячную абхазо-адыгскую армию. Турецкий флот развернулся и ушел¹⁴. «Это счастливое событие окружило имя Келешбея ореолом героя и еще больше подняло его авторитет, – отмечал в 1940 г. историк Г.А. Дзидзария. – Почти год управлял он независимой Абхазией и заметно охладел к России, вследствие чего царские генералы даже заподозрили его в "измене"»¹⁵. В дальнейшем автор только что цитированных строк издал монографию с совершенно иным названием: «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение» (Сухуми, 1960), что было продиктовано идеологическими соображениями...

В конце XVIII- начале XIX вв. владетель Абхазии неоднократно вторгался в пределы Мегрелии и Имеретии, а его войска доходили до Кутаиси. На левом берегу, в устье Ингура, он закрепил за собой крепость Анаклию. В 1802 г. Келешбей выставил 20-тысячное войско с тремя пушками против владетеля Мегрелии Григория Дадиани и взял в заложники его сына – наследника Левана. Положение Григория Дадиани, бессильного сдерживать натиск царя Имеретии

Соломона II, с одной стороны, и абхазского владетеля – с другой, вынудило его первым в Западной Грузии прибегнуть к военной помощи России и вступить под ее покровительство в декабре 1803 г.

С этого момента Мегрелия оказывается на острие российской политики в крае. Однако слабовольный Григорий Дадиани не годился на эту роль, и царские власти и российское военное командование все большее внимание обращают на его энергичную и властолюбивую жену Нину, которую Цицианов в письме Литвинову в ноябре 1804 г. лаконично охарактеризовал: «великая интриганка»¹⁶.

24 октября 1804 г. Григорий Дадиани неожиданно умер. По свидетельству католического священника Николо, владетель Мегрелии был отравлен жареной курицей, заправленной ядом, а когда почувствовал себя плохо, ему принесли пилюли, наполненные опиумом. Патер Николо сообщает, что все это было подстроено княгиней Ниной¹⁷, овдовевшей в 27 лет¹⁸. Того же мнения придерживался и русский историк Н. Дубровин, назвавший Нину Дадиани «женщиной отважною, хитрою и самолюбивою»¹⁹.

Патер Николо был личным лекарем Григория Дадиани и, вернувшись в Мегрелию после почти месячной отлучки, застал его уже мертвым. По наведенным справкам патер узнал, что князя лечила лекарка Зева. Николо попросил ее публично рассказать обстоятельства, которые предшествовали его кончине.

«После твоего лекарства, – говорила Зева, – Дадиан был истинно здоров, так что оправясь в теле, имел чрезвычайный аппетит. В субботу он приказал жене подать ужин. Изготовя курицу с маслом, княгиня Нина отослала ее мужу. Съевши половину, Дадиан сказал, как невкусна курица, но по тогдашнему его аппетиту съел всю без остатка. В полночь он почувствовал жестокую боль в желудке, спрашивал у жены, с кем она прислала. Дадиан потребовал твоих (ксендза Николо) пилюль, но вместо них были принесены другие, переполненные опиумом. После приема пилюль, в полночь, ему сделалось хуже, и он приказал позвать меня. Я сказала, что не в состоянии его вылечить, потому что, по мнению моему, он должен быть отравлен, и советовала призвать тебя. Услыхав о том, княгиня Нина запретила под страхом наказания говорить об отравлении, присовокупив, что кто может отравить Дадиана?»

Вслед за тем патер Николо, продолжает Н. Дубровин, вместе с лекаркою отправился к княгине Нине.

«Зачем вы дали Дадиану опиум? – спросил Николо. – Я сделала это по ошибке, – ответила Нина, – но что делать!».

Патер Николо заплакал. «Не плачьте, – утешала его Нина, – я знаю, что скоро мой сын Леван будет Дадианом, он еще более вас одарит и будет милостивее к вам»²⁰.

Тогда же резко осложнились отношения между Россией и Абхазией, так как сын отравленного владетеля Мегрелии находился в заложниках у

Келешбея. Русские военные власти потребовали немедленной выдачи Левана Дадиани и на отказ Келешбея ответили военной акцией: в марте 1805 г. русский генерал Рыкгоф отбил у него крепость Анаклию. В результате долгих переговоров 2 апреля 1805 г. абхазский владетель вернул заложника Левана, ставшего формальным владетелем, в то время, как действительной правительницей Мегрелии вплоть до совершеннолетия Левана оставалась его мать Нина Дадиани. В обмен на Левана абхазский владетель вновь получил крепость Анаклию. Тогда же Келешбей попытался наладить связи с наполеоновской Францией и даже вступил в переписку с ее знаменитым министром иностранных дел Талейраном.

В разразившейся русско-турецкой войне 1806-1812 гг. царизм пытался использовать влияние Келешбея в своих интересах тем более, что русские сомневались в искренности и верности Келешбея, когда тот просился под российский «скипетр». Один из влиятельных чиновников в С.-Петербурге в июне 1806 г. писал: *«Нужно удостовериться, сколь чисто-сердечна преданность Келеш-бека к России»*²¹. Скоро такой случай представился. В 1807 г. 60-летнему владетелю Абхазии русские власти предложили отбить у турок крепость Поты, но он уклонился от каких-либо военных действий. Командующего войсками России на Кавказе графа Гудовича активно настраивал против Келешбея генерал Рыкгоф, ставший заклятым врагом абхазского владетеля. Так, в рапорте от 8 июня 1807 г. Рыкгоф отмечал: *«Келеш-бек только наружно оказывает русским его дружбу»*²². В ответ 14 июля 1807 г. граф Гудович обращается к Келешбею с резкими обвинениями: *«Не помогали нашим войскам против турок, а еще падает на вас сомнение, что вы под рукою воспособляете туркам»*²³. Этими важными документами почти на год обрывается всякое упоминание о Келешбее.

По всей вероятности, российские власти на Кавказе, подстрекаемые правительницей Мегрелии Ниной Дадиани, решили устранить строптивого Келешбея и, воспользовавшись перемирием с Турцией, поставить во главе абхазского княжества зятя мегрельских владетелей Сефербея Чачба, дискредитировав при этом основного претендента на престол Асланбея, мать которого из княжеской фамилии Дзяпш-ипа была первой женой Келешбея. В этих целях Сефербей при поддержке Нины Дадиани и активном участии русской военной администрации в лице генерала Рыкгофа организовал заговор против Келешбея, в результате которого тот погиб в Сухумской крепости 2 мая 1808 года²⁴.

Между прочим, историк А.В. Фадеев в 1931 г. отметил: *«Возможно, что и убийство Келеш-бея было организовано Дадианом»*²⁵. Через год он добавил: *«Это политическое убийство, несомненно, было организовано не без участия Турции и мингрельских владетелей, опасавшихся осуществления абсолютистских замыслов Келешбея»*²⁶. Формулировку А.В. Фадеева спустя некоторое время почти буквально повторил Г.А. Дзидзария²⁷.

Интересно, что сразу после убийства Келешбея оценки представителями русской администрации его деятельности резко изменились. Если около года назад граф Гудович обвинял владельца в протурецкой ориентации, то уже 20 мая 1808 г. он сообщал министру иностранных дел России графу Н.П. Румянцеву о «смерти преданного России абхазского владельца Келеш-бея...»²⁸. С этого момента царские власти начинают преднамеренно формировать миф о якобы преданности Келешбея Чачба российскому престолу, который бытует и по сей день.

В официальных российских документах того времени вся вина за убийство Келешбея перекладывается на Асланбея. Как указывалось выше, первые сведения с описанием этого происшествия граф Гудович получил от Сефербея – весьма заинтересованного лица, и генерала Рыкгофа²⁹. В то же время попытки самого Асланбея прояснить ситуацию не принимались во внимание русским командованием. Так, генерал Рыкгоф в рапорте графу Гудовичу сообщал об Асланбее: *«В каковом злодеянии он и виновным себя ни под каким предлогом не сознает, отзываясь заговором противу Келешбея посторонних. Я на письма сии ничем и по сие время ему не отвечаю...»*³⁰. Столь странная реакция генерала говорит лишь о том, что ему и Гудовичу была хорошо известна истинная подоплека событий, если не сказать большего.

В их задачу, по-видимому, входило устранение самостоятельного Келешбея и возведение на престол Сефербея. Однако этот план осуществился лишь наполовину. К великому удивлению организаторов заговора (не турок, разумеется) выяснилось, что Сефербей не пользовался никаким авторитетом в абхазском обществе, а все симпатии народа, включая его родственников и близких, оказались на стороне «отцеубийцы» Асланбея, ставшего владельцем Абхазии. Такой поворот событий никак не устраивал Петербург и особенно Нину Дадиани. Так, 8 июня 1808 г. она сообщает Александру I о том, что к ней в Зугдиди явился «зять наш Сефер-бей» (он был женат на Тамаре Дадиани, сестре Григория), который дал в доме Дадиани присягу на верность России и просил помощи и содействия российских войск в борьбе с законным владельцем Абхазии Асланбеем³¹. Правительница Мегрелии пишет, что в случае признания Сефербея и принятия Абхазии в подданство России, пределы империи расширятся до Крыма, ибо «число абхазцев немалое»³². При этом Нина Дадиани, очевидно, преследовала и личные цели, хорошо понимая стратегическое и торговое значение Абхазии.

В начале августа 1808 г. по приказу графа Гудовича генерал Рыкгоф двинул на Сухум объединенные силы правительницы Мегрелии и ее двух зятьев Манучара (из Самурзакана) и Сефербея Чачба. Но на помощь Асланбею в Сухум успел прийти на трех судах с войском его двоюродный брат, комендант крепости Поти Кучукбей Чачба (племянник Келешбея), а по суше прибыли 300 черкесов. В результате военная экспедиция Рыкгофа, заклятого врага Келешбея и Асланбея, провалилась³³. Крепость Сухум

так и не была взята, и Сефербей был вынужден вернуться в Мегрелию ни с чем.

В результате авторитет Асланбея вырос еще больше. Он пользовался огромной поддержкой народа, высших слоев абхазского общества и многочисленного потомства Келешбея (на его стороне были все братья, от Гасанбея до якобы раненого им Баталбея; Асланбея активно поддерживала и последняя жена Келешбея Ребия-ханум Маршан), что в силу менталитета абхазов было бы невозможно, если бы Асланбей на самом деле убил своего отца. Наконец, Асланбей, женатый на садзской (джигетской) княжне Геч (Гечба), пользовался большим почетом в западноабхазском обществе Садзен, а также среди убыхов и адыгов. Таким образом, официальная точка зрения российских властей, пытавшихся опорочить Асланбея, обвинив его в «отцеубийстве», осталась на бумаге, в российской военноправительственной переписке и не отвернула народ от своего законного владетеля.

Необходимо особо отметить, что версия отцеубийства, сфабрикованная российскими военными и администраторами в 1808-1810 гг. в сугубо политических целях, господствовала в историографии на протяжении последних без малого двух веков. В то же время Нину Дадиани, действительно отравившую своего мужа, владетеля Григория Дадиани, царские власти всячески поддерживали и оберегали только потому, что она служила интересам России. Более того, с помощью Нины они активно распространяли слухи об Асланбее, якобы убившем своего отца, и противопоставляли ему Сефербея, которому Келешбей еще при жизни будто бы завещал престол.

Но политика дискредитации Асланбея не имела успеха. Он пользовался безусловным авторитетом в стране и потому Сефербей, находившийся, вернее, скрывавшийся большей частью в Мегрелии под защитой русских штыков, постоянно *«просил о даче ему войска для взятия Сухума, так как он остается почти совершенно обессиленным и даже изгнанным»*. Российские же военные просили прислать Черноморскую флотилию *«для занятия Сухума, где усиливается отцеубийца Арслан»*³⁴.

Забегая несколько вперед, следует привести один весьма поучительный факт биографии Нины Дадиани. Дело в том, что отношение к ней русских властей не всегда было благосклонным. Оно круто изменилось, как только ситуация в этой части Кавказа стала иной и Мегрелия сыграла роль проводника русских интересов в Западной Грузии и Абхазии. Так, 18 мая 1820 г. генерал Ермолов очень негативно отзывался о Нине Дадиани, которая со своим младшим сыном Георгием (воспитанником Пажеского корпуса) жила в С.-Петербурге, но затем стала настраивать Георгия против брата Левана, владетеля Мегрелии. Во время волнений в Мегрелии Георгий вместе с бунтовщиками вел себя вызывающе и даже стрелял в русских солдат. Ермолов, зная властолюбивый характер Нины Дадиани, подозревал ее в кознях против сына Левана. Он запретил ей жить при царском дворе в С.-Петербурге и

разрешил пребывать в Москве. Однако император Александр I, разгневанный таким поведением и вероломством Нины Дадияни, в июне 1820 г. сослал ее в Рязань под надзор губернского начальства³⁵.

III

В обстановке полного безвластия 12 августа 1808 г. Сефербей (после крещения Георгий) направляет императору Александру I свои известные «просительные пункты» о принятии Абхазии в подданство России³⁶, написанные на грузинском языке в Мегрелии под диктовку Нины Дадияни и ее духовника, протоиерея Иоселиани. В порыве откровенности Сефербей сообщает Александру I, что все обращения о принятии Абхазии в состав России писал священник «Иоанн Иоселиани, который искренним сердцем советовал мне предать себя в подданство императорскому престолу»³⁷. Основываясь именно на этих незаконных «просительных пунктах», 17 февраля 1810 г. Александр I специальной грамотой признал Георгия (Сефербея) «наследственным князем абхазского владения под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи»³⁸. Однако на момент появления этой грамоты и даже значительно позже Сефербей безвыездно жил в русской Мегрелии и не имел никакого влияния в Абхазии, которой уже около двух лет управлял ее законный владелец Асланбей. Но Сефербей через мегрельского священника И. Иоселиани продолжал обращаться в С.-Петербург, нетерпеливо ожидая как «высочайшей грамоты, так и десанта войск из Крыма для покорения Сухум-Кале»³⁹.

Но произошло непредвиденное. Когда в июне 1810 г. полковник Симонович в присутствии мегрельской правительницы Нины объявил в Кутаисе Сефербею о присылке грамоты и других высочайших знаков отличия с тем, чтобы «он немедленно отправился в Абхазию для принятия оных с должною церемонией», тот наотрез отказался. Сефербей объяснил Симоновичу, что «весьма для него опасно принять оные в теперешнее время, когда соперник брат его владеет Сухумом и следовательно почти всею Абхазиею и что он, услышав об утверждении его владельцем, будучи сам утвержден от Порты, непременно нападет на него с турецкими войсками, разорит и выгонит из Абхазии». Поэтому Сефербей просил отложить церемонию «до того времени, когда пойдут под Сухум российские войска и тогда при покорении под власть его народа может он принять знаки все милостивейшего к нему благоволения...»⁴⁰.

Генерал Торماسов, по собственному признанию, «никак не ожидал» такого поворота событий и пришел в ярость. Он не предполагал, чтобы новый владелец всей Абхазии, «был столь бессилён в земле, предоставленной теперь его управлению, что даже опасается принять высочайшую утвердительную грамоту и другие знаки отличия и не смеет ехать в собственный дом в Абхазии, боясь брата своего...». Более того, Сефербей лично

обратился к этому русскому генералу с письмом, в котором просил помочь ему войсками, «без коих он не смеет даже из Мегрелии выехать в свое владение». Русская военная администрация оказалась в трудном положении, но отказаться от покровительства Сефербею уже не могла, т. к. грамота Александром I была уже подписана. Тормасов в своем предписании Симоновичу от 15 июня 1810 г. отмечал, что «не остается теперь другого способа для поддержания его, как покорение крепости Сухума силою оружия и чтобы сим же средством Сефер-Али-бея ввести во владение Абхазией». В этом же послании он интересуется положением в Абхазии и влиянием там Асланбея. «Внушите также правительнице Мегрелии княгине Нине Георгиевне, – писал Тормасов, – что покровительство и милости, оказываемые государем Сефер-Али-бею, последовали во уважение ее с ним родственных связей и по ее предстательству (ходатайству. – С.Л.), а потому и должно ей всеми способами его поддерживать и утвердить его владетелем Абхазии»⁴¹.

Таким образом, судьба Асланбея и крепости Сухум-Кале была предрешена. По плану русского командования штурм Сухума намечался силами морского десанта и броском со стороны Мегрелии сухопутных войск под командованием генерал-майора Д. Орбелиани, который весной 1809 г. сменил умершего генерала Рыкгофа. К этому времени Россия уже овладела турецкой крепостью Поти. Оставалось взять Сухум, который турки называли Старым Стамбулом⁴², чтобы господствовать на восточном берегу Черного моря. Еще в марте 1810 г. управляющий военно-морским министерством адмирал маркиз И.И. де-Траверсе отдал приказ о крейсировании русских судов между Анапой и Сухумом, а 10 июня вице-адмирал Языков предписал контр-адмиралу Сарычеву направить из Севастополя в Сухум эскадру в составе 66-пушечного корабля "Варахиил", двух фрегатов "Воин" и "Назарет", одного авиза "Константин" и двух канонерских лодок с батальоном 4-го морского полка в 640 человек под командованием капитан-лейтенанта Додта. В 4 часа дня 8 июля 1810 г. русская эскадра прибыла на Сухумский рейд и по ней из крепости был открыт пушечный и оружейный огонь. На следующий день эскадра подошла ближе к берегу и в 3 часа дня открыла по крепости шквальный артиллерийский огонь. К вечеру почти вся крепостная артиллерия была разбита, а городские строения разрушены. Стоявшие в бухте 7 турецких судов были потоплены. Утром 10 июля 1810 г. Додт высадил на берег батальон морской пехоты с двумя пушками под началом майора Конрадини. Однако выяснилось, что десант не имел штурмовых лестниц. Несмотря на это, после двухчасовой бомбардировки с суши и с моря русские войска заняли крепость.. Со стороны Ингура в город вступила рота Белявского полка с двумя орудиями во главе с генералом Д. Орбелиани и Сефербеем. Асланбей был вынужден бежать к своим родственникам в абхазское общество Садзен. По сообщению Додта, в ходе штурма было убито 300 абхазов и турок, а 78 человек взято в плен. Русский десант потерял 109

офицеров и солдат убитыми и ранеными. Додт захватил 62 пушки, 1080 пудов пороха и много ядер⁴³.

В том же году до пяти тысяч абхазов выселилось в Турцию. Это была первая в XIX в. волна абхазского переселения.

Как видно, все произошедшее в 1808-1810 гг. никак нельзя назвать добровольным присоединением Абхазии к России. Вместе с тем, эта точка зрения на протяжении многих десятилетий является официальной и единственной. Как показывают документы, события того времени не столь однозначны и заслуживают подробного исследования, включая изучение не только русских текстов, но и турецких, французских, английских источников, в том числе архивных. Захват Сухум-Кале стал лишь первым шагом завоевательной политики царизма в Абхазии. Для закрепления своих позиций России понадобилась еще полувековая война с абхазским народом. Борьба между Сефербеем и Асланбеем была прежде всего борьбой двух влияний – русского и турецкого, а взятие Сухум-Кале являлось победой не Сефербея над Асланбеем, а победой России над Турцией в борьбе за Абхазию⁴⁴.

Сефербей, поддерживаемый русскими штыками, так и не стал уважаем в народе. Он обосновался в Сухумской крепости – единственном месте в Абхазии, где мог чувствовать себя в безопасности. Осенью 1810 г. по приказу Торماسова под охраной более 100 русских солдат и офицеров сюда была доставлена хранившаяся в Потии у полковника Мерлини грамота Александра I и другие знаки отличия. Сефербей принял их в Сухуме «при собрании» и дал «публично перед народом присягу на вечную верность» императору России, утвердив ее «своей подписью и печатью»⁴⁵.

Впрочем, военные власти России прекрасно осознавали, что Сефербей слаб, а «партия его еще не слишком сильна противу его соперника» Асланбея, сторонники которого в декабре 1810 г. продолжали контролировать окрестности Сухума, несмотря на присутствие здесь 1 тыс. русских солдат⁴⁶. Даже в марте 1811 г. Сефербей все еще имел «самую малую партию», а правительница Нина Дадиани опасалась нападения на Мегрелию со стороны «абхазов и горцев, большею частию приверженных к Арсланбею»⁴⁷.

После взятия Сухума реальная власть оказалась в руках начальника крепости капитана Агаркова, который контролировал действия Сефербея. В своем рапорте начальству в январе 1811 г. он нелестно отзывался о новом владетеле и отмечал, что «дела в Абхазии мало имеют порядка». Сефербей был в страхе и ничего не мог предпринять против сторонников Асланбея. Абхазцы же, продолжал капитан Агарков, до «такой степени смелы, что подъезжают к крепости вооруженные... и стреляют в солдат, так что опасно отойти от оной шагов на 100»⁴⁸.

Вся Абхазия была охвачена народными волнениями. В крайнем раздражении командующий российскими войсками на Кавказе генерал Тормасов писал 15 марта 1811 г. Сефербею, что тот не предпринимает «действительных мер против партии отцеубийцы... Арсланбея, которая возрастая

мало-помалу, может взять над вами перевес». Тормасов призывал владельца: «Прочно утвердите власть свою над абхазским народом». Генерал на-поминал Сефербею: *«Вы силою оружия и покровительством (императора. – С.Л.) утверждены законным владельцем, восстановлены во всех ваших правах и поддерживааетесь победоносными российскими войсками...»*⁴⁹. В своих записках А.П. Ермолов, признавая Асланбея владельцем Абхазии («некогда также владелец Абхазии»), по поводу Сефербея отметил: «Молодой князь Шервашидзе не имел людей приверженных, которые бы его остерегли, напротив, многие были со стороны убийцы»⁵⁰.

К концу войны турки потеряли все свои опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа – Анапу, Суджук-Кале, Сухум-Кале, Анаклию, Потю. Международная обстановка диктовала необходимость скорейшего заключения мира с Турцией. Готовясь к нашествию на Россию, на Висле развевалась полумиллионная армия Наполеона. В мае 1812 г. был заключен Бухарестский мир, по которому Россия приобретала все побережье Абхазии и Мегрелии. Тем самым надежно обеспечивалось присоединение к России Западной Грузии (Мегрелия, Имеретия, Гурия) и Абхазии и укреплялась безопасность Крыма. Окончание войны с Турцией позволило ускорить завершение войны с Персией (1804-1813 гг.). Россия решила и главную стратегическую задачу: обеспечив мир на своих южных границах, она лишила Наполеона союзника в лице Турции.

IV

Особо следует остановиться на вопросе о так называемом тайном крещении Сефербея, которое якобы было совершено с благословения Келешбея Чачба еще при его жизни. Необходимо обратить внимание, что впервые эта версия была изложена все той же Ниной Дадиани в письме ее непосредственному начальнику графу Гудовичу 8 июня 1808 г., т.е. сразу после гибели давнего врага дома Дадиани, абхазского владельца Келешбея. Довольно искусно она излагает приятную для русского уха мегрельскую легенду о «героическом» крещении Сефербея и о принятии им нового имени Георгий. В основе этой манипуляции лежал, прежде всего, военно-политический смысл. «За сего Сефер-бека отец его Келеш-Ахмед-бек, – пишет Нина, – просил в супруги сестру покойного Григория Дадиани, но он ее не выдал, пока не просветил его святым крещением; когда же он просветился чрез священника двора нашего Симеона Асатиани и исповедал нашу веру, то за него была выдана сестра владетелева по бракосочетанию и это оставалось до сего времени в тайне. А ныне, если самодержавнейший государь наш удостоит его чрез вас своим воззрением и примет в рабство, тогда объявит нашу веру не только он, но и вся Абхазия... Прошу твое главное благоуправление поревновать за них (абхазов. – С.Л.) из почтения ко мне, дабы самодержавнейший государь мой уважил

и принял в свое рабство сего зятя моего Сефер-бека, который секретно называется по крещению Георгий, и пожаловал бы ему знак и грамоту, введя также и войска в Абхазию. Если же нам будет не по силам взять кр. Сухум, то все милостивейший государь наш император да возьмет ее силою своею, окружив ее войском»⁵¹.

К сожалению, именно эта легенда легла в основу абхазской историографии и, по всей видимости, исключительно по конъюнктурным, политическим соображениям.

Между тем анализ документов, опубликованных в актах Кавказской археографической комиссии, указывает на ряд противоречий и даже подтасовок. Так, по тексту письма Нины Дадиани от 8 июня 1808 г. получается, что сам Келешбей еще при жизни Григория Дадиани, скорее всего в 1802-1803 гг., чуть ли не просил мегрельского владельца отдать его сестру в жены Сефербею. Более того, оказывается, Григорий Дадиани поставил даже условием грозному Келешбею необходимость крещения сына, то есть его перехода из ислама в христианство, что якобы и было сделано Сефербеем «в тайне», с помощью священника мегрельского двора Симеона Асатиани.

Но хорошо известно, что в период женитьбы Сефербея именно Григорий Дадиани нуждался в покровительстве абхазского владельца Келешбея, который и спасал его неоднократно от гнева имеретинского царя Соломона II. Ни при каких обстоятельствах Г. Дадиани и его жена Нина тогда не могли ставить какие-либо условия Келешбею, т.к. были полностью зависимы от него и находились фактически в его власти. Нельзя забывать, что именно в это время малолетний Леван Дадиани, сын Григория и Нины, находился в Абхазии и жил при дворе Келешбея в качестве заложника, «аманата». Не Келешбей, а Григорий Дадиани считал за счастье выдать свою сестру замуж за Сефербея, хотя тот и не обладал правом наследования престола.

Вообще, одно из первых, если не первое упоминание об этом браке содержится в описании Литвинова, составленном в октябре 1804 г., в котором, между прочим, сказано: «Соседство, вражда и сила Имеретин противу Дадиани заставили его искать помощи абхазского владельца Келешбека; *противность вер не воспрепятствовала им соединить себя родством*»⁵². Это последнее обстоятельство о разности вер, которое не помешало женитьбе Сефербея Чачба и Тамары Дадиани, является важным свидетельством. Мегрельская владетельница Нина в своем спешном письме от 8 июня 1808 г. совершенно запуталась, когда сообщила Гудовичу, что Сефербея-Георгия крестил священник Симеон Асатиани, в то время как его окрестил после гибели Келешбея протоиерей Иоанн Иоселиани, ставший политическим и духовным наставником Сефербея.

Выдумки Нины Дадиани первым опроверг в своем рапорте графу Гудовичу генерал Рыкгоф, который, в частности, сообщал 10 июня 1808 г., что Сефербей «охотно приемлет религию греческого (православного. – С.Л.) исповедания со всеми ж его поданными, как он и прежде нетерпели-

во желал исполнить, *но не смел оскорбить тем престарелого его отца*»⁵³. Совершенно очевидно, что не без влияния Нины Дадиани и ее священника И. Иоселиани Сефербей в июне 1808 г., когда его отца уже не было в живых и нужно было бороться за абхазский престол с законным наследником старшим братом Асланбеем, решил перейти из мусульманства в христианскую веру. В своем обращении к генералу Рыкгофу, написанном 21 июня 1808 г. явно под диктовку мегрельских владетелей, он сообщал: «Я и до сих пор хотел христианином быть, а теперь так как такое дело случилось, то я хочу свое владение отдать, как Грузия и Одиши государю принадлежать... *И я желаю христианином быть* и потому расположен усердно к государю... Пособите мне теперь войском, если хотите быть мне вашим»⁵⁴.

Вот с такими посланиями обращался к русскому командованию, с русской территории, из Зугдиди, Сефербей, срочно изъявивший желание переметнуться в православие, т.е. в веру русских и союзных им мегрельцев. Позднее генерал Ермолов писал графу Нессельроде: «Турки не простят ему (Сефербею. – С.Л.) прежнюю перемену закона и вступление под покровительство христианского государя»⁵⁵.

В одном из документов прямо говорится, что возвратившийся из С.-Петербурга «*протоиерей Иоанн Иоселиани убедил владетеля Абхазии Георгия Шервашидзе вступить в подданство всероссийского престола*». Тогда же И. Иоселиани обратил в христианскую веру и самого Сефербея-Георгия⁵⁶. По этому поводу французский путешественник и ученый Поль Гибаль, побывавший в Абхазии в 1818-1819 гг., особо отметил, что Сефербея «не любили из-за его перехода в христианство»⁵⁷.

Политические события развивались стремительно и, главное, параллельно с вопросом о крещении Сефербея, которого русские власти именовали теперь Георгием. В своем предписании от 14 июля 1808 г. Гудович сообщал Рыкгофу, что Александр I выразил полную поддержку Сефербею и что последний через Рыкгофа должен передать «просительные пункты» императору о принятии в вечное покровительство России⁵⁸. Вскоре, возвращаясь из Персии, Гудович получил эти пункты от Сефербея, под которыми тот подписался как «Георгий Шарвашидзе». 3 марта 1809 г. Гудович с удовольствием пересказывал Салтыкову легенду Нины Дадиани о тайном крещении Сефербея и сообщил, что министр иностранных дел граф Румянцев объявил Гудовичу волю императора, разрешающую «приступить к принятию абхазского владения в вечное покровительство» России⁵⁹.

V

При владетеле Сефербее-Георгии Шервашидзе (1810-1821 гг.) центральная власть в Абхазии совершенно ослабла и старые междоусобицы вспыхнули с прежней силой. Наделенный Россией всеми правами владетельской

власти, Сефербей был формальным правителем Абхазии и не мог существенным образом влиять на политическую обстановку внутри страны. По-прежнему независимыми оставались вольные общества горной Абхазии — Псху, Дал, Аибга, Цабал и др., которые «отказались быть покорными» России и правителю. Владетелем Абхазии народ по-прежнему считал Асланбея. Время от времени он появлялся здесь и поднимал восстания. Так, в июле 1813 г. под его руководством в Абхазии произошло «чрезвычайное волнение» против Георгия Шервашидзе⁶⁰. На подавление этого выступления были двинуты русские военные силы с двумя орудиями и ополчение владетеля Мегрелии Левана Дадиани. Только таким образом Сефербей-Георгий сумел сохранить свою власть. Охраняемый русскими солдатами, он жил либо в Сухумской крепости, либо в Мегрелии, правители которой поддерживали его в борьбе с Асланбеем.

Здесь необходимо обратить внимание на следующее важное обстоятельство. Если Асланбей, как утверждали официальные власти России и владетели Мегрелии, был «отцеубийцей», то почему именно его сторону, а не Сефербея-Георгия безоговорочно приняли все ближайшие родственники? Почему на стороне Асланбея неизменно выступали все сыновья Келешбея, его родные братья по отцу: Баталбей, которого он якобы ранил в день убийства Келешбея (со слов Сефербея), а также Гасанбей, Таирбей и Ростомбей? Каким образом последняя жена Келешбея, мать этих сыновей Ребиа-ханум Маршан и мачеха Асланбея, приняла в июле 1813 г. сторону так называемого убийцы своего мужа? 26 июля 1813 г. в своем донесении генерал Ртищев сообщал графу Румянцеву, что Ребиа-ханум Маршан с двумя сыновьями перешла на сторону Асланбея, «под защиту сему извергу, который, впрочем, не родной ее сын» и что это «без сомнения может отклонить от верности Сефер-Али-бею всех подвластных его»⁶¹.

Приводимые факты могут лишь свидетельствовать о причастности Сефербея, а не Асланбея к убийству отца. В силу абхазских традиций и кровно-родственных отношений семья Келешбея никогда не приняла бы сторону Асланбея, если бы тот на самом деле был «отцеубийцей». Между тем, все члены семьи с первого дня после гибели владетеля Абхазии поддерживали Асланбея.

Георгий-Сефербей скептически характеризовался даже в официальной переписке русских политиков и военных. Так например, в декабре 1814 г. генерал Симонович сообщал генералу Ртищеву, что Георгий Шервашидзе хотя и предан России, «но не успел еще приобрести полной силы и доверенности в народе Абхазском, по причине коварных происков брата его отцеубийцы Арслан-бея, не оставляющего претензии своей на абхазское владение и домогающегося сей своей цели чрез покровительство турок»⁶².

Не изменилась ситуация в лучшую для Георгия сторону и четыре года спустя. Так, 25 апреля 1818 г. он обращается с письмом на грузинском языке

к генералу Курнатовскому, в котором жалуется, что народ Абхазии не признает его и не повинуется ему. Георгий Шервашидзе пребывал почти в истерическом состоянии: *«Прошу дать мне из владения Дадиани войско и также до 300 конных имеретинцев, коих я присоединя к своим верноподанным, под предводительством моим, заставлю оный дикий народ раскаиваться в своем поступке...»*⁶³. Тогда же Курнатовский докладывал генералу Сталю, что Г. Шервашидзе известил его о «явном ему неповиновении своего народа». 9 мая 1818 г. Курнатовский раздраженно сообщил: *«Абхазский владелец на самом деле еще слабее в управлении своим народом, нежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться. Главнейшая причина такового неповиновения есть та, что настоящий владелец утвержден в сем звании без дальнейшего исследования о преданности к нему абхазцев — народа горского, вольного и воинственного и с коими управиться трудно и тому в ком нашлось бы более твердости и благоразумия»*⁶⁴.

Это было убийственное заключение о времени правления Г. Шервашидзе, умершем 7 апреля 1821 г. Незадолго до его смерти, 5 февраля 1820 г. генерал Курнатовский делился своими впечатлениями о Георгии Шервашидзе с генералом Вельяминовым. Георгий прибыл в Имеретию и заявил Курнатовскому о «своей непоколебимой преданности российскому престолу». По этому поводу генерал ехидно, но справедливо заметил: *«Впрочем, ни измена его (Г. Шервашидзе. – С.Л.) дальнейшего вреда, ни верность значительной пользы не могут нам принести за крайним его в принадлежащем ему владении бессилием»*⁶⁵.

После смерти Г. Шервашидзе в Абхазии снова вспыхнули «беспокойства и возмущения». Многие абхазские князья и народ желали видеть владетелем Асланбея или его брата Гасанбея. Но генерал-лейтенант Вельяминов, заменявший выехавшего в Петербург Ермолова, по совету владетеля Мегрелии Левана Дадиани объявил «правительницей Абхазии» вдову Г. Шервашидзе княгиню Тамару Дадиани (тетку Левана). Чтобы обезопасить Тамару, Вельяминов отдал приказ арестовать Гасанбея Чачба и выслать его в Сибирь, где тот и находился вплоть до 1828 г. Абхазы вновь взбунтовались и отказались признать Тамару правительницей Абхазии. 29 мая 1821 г. генерал Ермолов писал графу Нессельроде, что братья Гасанбея – Баталбей, Ростомбей и Таирбей «явно восстают» против Тамары Дадиани. Более того, Таирбей был направлен в Константинополь за помощью для взятия Сухум-Кале и с просьбой возвести в «звание владетеля Абхазии... Арслан-бея»⁶⁶.

Летом 1821 г. Асланбей вернулся на родину. При поддержке своих родственников садзов, убыхов и псхувцев он поднял восстание, «овладел всею Абхазиею» и обложил Сухумскую крепость. В источнике сказано, что после смерти Г. Шервашидзе в 1821 г. «возник мятеж в княжестве, произведенный и поддерживаемый братьями покойного» и направленный против передачи власти сыну Георгия Дмитрию (Омарбею) Шервашидзе⁶⁷.

VI

К 1821 г. относится историческое предание «Из Кисловодской старины. У замка коварства и любви»⁶⁸, в котором рассказывается о стремительном набеге Асланбея на великосветский курорт с целью устранения претендента на абхазский престол – молодого князя Дмитрия, сына Сефербея. Произошло это в тот момент, когда князь Дмитрий влюбился в Кисловодске в златокудрую княжну Татьяну Голицыну. *«Исторические данные указывают, — говорится в этом источнике, — что крепость Кислый подвергалась также нападению и абхазцев. Об этих джигитах никто не помнит в Кисловодске. По крайней мере, в разговорах больше упоминают о кабардинцах и черкесах. Между тем, Абхазия почти вплотную прилегала к Кисловодскому району... Правда, это была горная и теперь недоступная для прохода местность для всех, но не для абхазцев джигитов. Их лошади как кошки царапались по неприступным скалам. Преследовать их было совершенно невыносимо...»*

В числе курсующих в Кисловодске был один из претендентов на княжество Абхазии князь Шервашидзе. Блестящий офицер, воспитанный в Петербурге и уже там известный на балах и великосветских вечерах, принятый при дворе, князь, конечно, очаровал весь курортный бомонд, и многие мамы мечтали устроить для дочек блестящую карьеру «княгини Абхазии». Если бы они, правда, имели понятие о том, какая жизнь предстоит такой княгине впоследствии, что представляет из себя княжество Абхазия, эта непрерывная бойня родов, кинжальщина, интриги и разбои, тогда едва ли пожелали бы своим дочкам такую судьбу.

Князь Абхазии (Дмитрий. – С.Л.) прибыл в Кисловодск с большим конвоем, со свитой приверженцев, вооруженных с ног до головы. Да иначе и нельзя было. В это время в Абхазии хозяйничал другой претендент на престол из того же рода Аслан-бей, более популярный в народе, но не признанный русским правительством. Два претендента были два кровных врага и встреча их на узкой дорожке окончилась бы гибелью одного из них...

А в то время, как официальный владлец Абхазии изнывал в Кисловодске от любви к княжне Татьяне, в самой Абхазии его конкурент усиленно работал, агитируя против русского протеза и обещая старейшинам и «почетным людям» аулов турецкую поддержку... Конечно, прежде всего надо было уничтожить конкурента... Аслан-бей с сильным отрядом направился по горной местности к Кисловодску, предполагая встретить возвращающегося князя Шервашидзе, завлечь его в засаду и уничтожить вместе с конвоем... У Аслан-бея созрела мысль отделаться от конкурента тут же. С отборным отрядом он стал рыскать около курорта, поджидая свою добычу...».

Таково историческое предание, сведения о котором были предоставлены мне известным абхазоведом Асланом Гожба.

VII

Абхазское восстание, которым руководил Асланбей, было разгромлено князем Петром Горчаковым в ноябре 1821 г. Он привез нового владельца Дмитрия (Омарбея), сына Сефербея. По приказу Горчакова вокруг Сухум-Кале были опустошены и сожжены абхазские села. «Оставив в Соуксу (Лыхны. – С.Л.) две роты Мингрельского полка, – сказано в источнике, – собственно для защиты абхазского владельца, он возвратился с отрядом в Имеретию»⁶⁹.

Находившийся с детства в заложниках в Петербурге, Дмитрий забыл родной язык, обычаи и пользовался еще меньшим авторитетом, чем его отец. Для охраны Дмитрия Горчаков оставил солдат под командованием майора Ракоци. Опасаясь приверженцев Асланбея, Дмитрий около года прожил в Лыхны как пленник. Однако 16 октября 1822 г., по версии его матери Тамары Дадиани, он был отравлен человеком Асланбея Урусом Лакоба (Лаквари)⁷⁰. По свидетельству же русских офицеров, с которыми Дмитрий постоянно общался, молодой владелец в течение последних трех месяцев болел, страдая лихорадкой, и умер от малярии.

Вскоре после смерти Дмитрия, 14 февраля 1823 г. император пожаловал его несовершеннолетнему брату Михаилу (Хамудбею) титул владельца Абхазии. Тот правил долго (до 1864 г.), но его власть оказалась очень слабой. В 1824 г. под руководством Асланбея вновь вспыхнуло восстание, которое охватило всю Абхазию. Более 12-ти тысяч абхазов заблокировали русские гарнизоны в Сухумской крепости и Лыхненском укреплении. Горчаков отдал приказ Сухумскому коменданту подполковнику Михину навести порядок. В мае 1824 г. с отрядом в 225 штыков тот ночью напал на одно из абхазских сел и сжег его. Возмущенные такой жестокостью, абхазы разгромили отряд, а Михина убили. Восстание вспыхнуло с новой силой. Из Анапы на турецком корабле опять прибыл Асланбей. В течение полутора месяцев русские солдаты обороняли Лыхненское укрепление, в котором находился владелец Михаил. Положение очень тревожило Ермолова. В июне 1824 г. в Абхазию были двинуты крупные военные силы – эскадра Черноморского флота, 2000 русских солдат и 1300 всадников мегрельского ополчения. С моря своей артиллерией их поддерживал фрегат "Спешный". Кроме него в операции были задействованы бриги "Орфей", "Меркурий", "Ганимед", фрегат "Евстафий" и шхуна "Гонец". Карательной экспедицией командовал сам Горчаков, который в августе подавил выступление, потеряв при этом около 800 солдат и офицеров. Асланбей вновь был вынужден эмигрировать в Турцию⁷¹.

В последний раз Асланбей прибыл в Абхазию в 1830 г. и вновь попытался поднять восстание против своего племянника владельца Михаила. Но к этому времени присутствие царизма в крае усилилось и Асланбей был вынужден навсегда покинуть свою родину. До самой смерти он жил в

Константинополе. Известно также, что во время Крымской войны, в 1855 г., сын Асланбея высадился в Абхазии вместе с турецким десантом Омер-паши и был с почетом принят народом⁷².

Асланбей был действительно законным владельцем Абхазии и после потери престола в результате интервенции 1810 г. в течение 20 лет продолжал борьбу с царизмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922. С. 155.
- ² АКАК. В 12-ти томах. Тифлис, 1866-1904.
- ³ Стражев В. Горсть. Сухум, 1923. С. 29.
- ⁴ АКАК. Т. 3. С. 198-200.
- ⁵ Там же. С. 201-204.
- ⁶ Там же. С. 201.
- ⁷ Там же. С. 205.
- ⁸ Там же. С. 201.
- ⁹ Там же. С. 198-200.
- ¹⁰ Там же. С. 201.
- ¹¹ Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми, 1940. С. 16.
- ¹² АКАК. Т. 3. С. 198-200.
- ¹³ Материалы по истории Абхазии. Сухуми, 1939. С. 107.
- ¹⁴ АКАК. Т. 3. С. 192-193, 519-520; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. М., 1823. С. 348.
- ¹⁵ Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию. С. 15.
- ¹⁶ Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. 4. СПб., 1886. С. 201.
- ¹⁷ АКАК. Т. 2. С. 481-482, 491, 534-536.
- ¹⁸ Там же. Т. 6. Ч. 1. С. 627.
- ¹⁹ Дубровин Н. История войн. С. 198-199.
- ²⁰ Там же. С. 197.
- ²¹ АКАК. Т. 3. С. 190.
- ²² Там же. С. 197-198.
- ²³ Там же. С. 198.
- ²⁴ Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию. С. 16.
- ²⁵ Фадеев А.В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931. С. 35.
- ²⁶ Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932. С. 12.
- ²⁷ Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию. С. 17.
- ²⁸ АКАК. Т. 3. С. 199-200.
- ²⁹ Там же. С. 198.
- ³⁰ Там же. С. 205.
- ³¹ Там же. С. 201.
- ³² Там же. С. 203-204.
- ³³ Там же. С. 207-208.
- ³⁴ Там же. Т. 4. С. 419-420.
- ³⁵ Там же. Т. 6. Ч. 1. С. 626-627.

- ³⁶ Полный свод законов Российской империи. Т. 40. Приложение. С. 74. № 241289. СПб., 1830.
- ³⁷ АКАК. Т. 3. С. 209.
- ³⁸ Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков светлейшего князя Михаила Шервашидзе, последнего владельца Абхазии. Венден, 1913. С. 5-7; Внешняя политика России XIX века и начала XX века. Документы. Серия 1. Т. 5. М., 1967. С. 372-373.
- ³⁹ АКАК. Т. 4. С. 238.
- ⁴⁰ Там же. С. 420.
- ⁴¹ Там же. С. 421-422.
- ⁴² *Вестник Европы*. 1867 (сентябрь). Т. III. С. 108.
- ⁴³ АКАК. Т. 4. С. 422-424.
- ⁴⁴ *Кудрявцев К.* Сборник материалов. С. 158.
- ⁴⁵ АКАК. Т. 4. С. 425.
- ⁴⁶ Там же. С. 339.
- ⁴⁷ Там же. С. 356-357.
- ⁴⁸ Там же. С. 426.
- ⁴⁹ Там же. С. 428.
- ⁵⁰ *Ермолов А.П.* Записки. М., 1991. С. 375.
- ⁵¹ АКАК. Т. 3. С. 203-204.
- ⁵² Там же. Т. 2. С. 410.
- ⁵³ Там же. Т. 3. С. 205.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. Т. 6. Ч. 1. С. 652-654.
- ⁵⁶ Там же. С. 429.
- ⁵⁷ *Гибаль П.* Журнал моего путешествия... 1820 г. Рукопись.
- ⁵⁸ АКАК. Т. 3. С. 206.
- ⁵⁹ Там же. С. 208-209.
- ⁶⁰ Там же. Т. 5. С. 499-500.
- ⁶¹ Там же. С. 798.
- ⁶² Там же. С. 480-481.
- ⁶³ Там же. Т. 6. Ч. 1. С. 644.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. С. 575.
- ⁶⁶ Там же. С. 656.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ *Кавказский край* (Пятигорск). 1912. 27 ноября. № 206.
- ⁶⁹ *Князь П.Д. Горчаков.* Очерк служебной деятельности. СПб., 1862. С. 14-15.
- ⁷⁰ АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 663-665.
- ⁷¹ Русский биографический словарь. Т. 23. СПб., 1911. С. 100.
- ⁷² *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис, 1907. С. 148.